

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЕ ПОСЕЛКИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КОНЦА ИМПЕРСКОГО ПЕРИОДА: ЧИСЛЕННОСТЬ, СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА, САНИТАРНОЕ СОСТОЯНИЕ

*Статья подготовлена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2014-0023
«Динамика социокультурных процессов в Западной Сибири как полиэтническом регионе в XVIII – начале XX в.».*

Характеризуется процесс образования переселенческих поселков на территории Западно-Сибирского региона в конце XIX – начале XX в. Прослеживается эволюция правительственной политики в отношении формирования сети переселенческих поселков, выявляется динамика их численности в период с 1893 по 1911–1912 гг. Автор акцентирует внимание на развитии социальной инфраструктуры образующихся селений и санитарном состоянии жилищ переселенцев в первые годы их водворения на новых землях.

Ключевые слова: Западная Сибирь; переселенческие поселки; инфраструктура; новоселы; жилище; санитарное состояние.

В условиях существования в Российской империи традиционного (аграрного) общества Сибирь как одна из слабозаселенных провинций, имеющих значительный свободный земельный фонд, всегда была объектом пристального внимания как органов власти, так и населения. Земельная теснота в губерниях европейской части страны вынуждала крестьян предпринимать рискованное переселение в отдаленную окраину в поисках удобных для земледелия участков. До 1880-х гг. переселение в сибирский край находилось под правительственным запретом и потому носило преимущественно самовольный характер, что порождало для центральных и местных властей массу трудностей в учете образованных новоселами поселений, их землеустройстве и обложении установленными платежами. В целях облегчения сложившейся ситуации правительство в конце XIX в. сначала легализует самовольных переселенцев, уже прибывших на место водворения, а в начале XX в. полностью снимает запрет на переселение в регион, переходя, таким образом, от запретительной к разрешительной и – далее – поощрительной политике в отношении крестьян, принявших решение о переселении.

Основным районом земледельческой колонизации Сибири в конце XIX – начале XX в. стала западная ее часть, на территорию которой в указанный период вселились около 1,5 млн крестьян [1. С. 202].

Расселение мигрантов на новых землях проходило двумя путями: через приселение к уже существующим населенным пунктам сибиряков-старожилов либо через образование на отведенном под заселение участке нового поселения.

Цель настоящей статьи – охарактеризовать количественные и качественные результаты правительственной политики в деле формирования сети переселенческих поселков на территории Западной Сибири в конце имперского периода, определив их численность, уровень развития социальной инфраструктуры и санитарное состояние.

Необходимость решения проблемы малоземелья в центральной части страны заставила правительство учредить в 1885 г. Западносибирский землеустроительный отряд, в обязанности которого входила подготовка участков для прибывающих из европейской части России переселенцев. Отряд развернул свою

деятельность на юге Tobольской и в Томской губернии, за исключением Алтайского горного округа.

В 1889 г. правительство приняло новый закон «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время». Согласно закону мигранты при водворении на новое место жительства могли рассчитывать на получение путевых пособий, ссуд на обзаведение хозяйством. Либерализация законодательства активизировала переселенческое движение за Урал. При этом большая часть переселенцев устремилась в западную часть Сибири, менее удаленную от центральных губерний России, чем восточная. Данные регистрации переселенцев в Tobольской губернии свидетельствуют, что с 1885 по 1890 г. число прибывших в Сибирь крестьян возросло с 11 832 до 47 378 человек в год, а в 1891 г. эта цифра почти удвоилась, достигнув 82 150 человек [2. С. 306].

Массовый наплыв переселенцев актуализировал для правительства задачу своевременного отвода переселенческих участков, нарезки пахотных, сенокосных, пастбищных и иных земель, выделения мест усадебной оседлости для новоселов. В рассматриваемый период началась целенаправленная работа по образованию и развитию новых населенных пунктов, получивших в основном статус переселенческих поселков. Как правило, такой поселок представлял собой населенный пункт, образованный в плановом порядке административными органами власти на предназначенной к заселению территории путем выделения мест усадебной оседлости и определенного количества земельных долей для переселяющегося на новые земли сельского населения.

Количественные и качественные результаты процесса формирования сети переселенческих поселков на территории Западной Сибири зафиксированы в одном из важнейших источников по истории образования и развития сельских поселений – «Списках населенных мест», издаваемых Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел с 1861 г. Первые упоминания в «Списках» переселенческих селений со статусом поселка относятся к 1893 г. В Tobольской губернии таких поселков в указанном году было всего 9, все они находились в Тар-

ском округе [3]. В Томской губернии насчитывалось 45 переселенческих селений, из них 21 (47%) – в Мариинском округе, 12 (27%) – в Бийском, по 6 (13%) – в Томском и Каинском. В Омском округе Акмолинской области к 1895 г. существовало 11 поселков [4].

Начало железнодорожного строительства способствовало ускорению процесса образования переселенческих поселков в регионе. Учрежденный в 1892 г. Комитет Сибирской железной дороги разработал и утвердил 13 июня 1893 г. временные правила о порядке отвода переселенческих и запасных участков в районе пролегания железнодорожной линии. В правилах говорилось, что предназначенные к заселению участки «должны быть обеспечены водою и, по возможности, лесом», а землеустроительные комиссии обязаны были указывать, «какого свойства земельные угодия участка (степные, лесные, требующие искусственного орошения и т.д.), какова на нем почва (черноземная, глинистая, песчаная и т.п.)», «для выходцев какой именно полосы пригоден данный участок» [5. С. 6, 39].

Анализ протоколов заседаний временных комиссий по образованию переселенческих участков на территории Томской губернии в 1907 г. показал, что в большинстве случаев, несмотря на нелестные характеристики ряда отмежеванных участков («сомнительное» или «недостаточное» водоснабжение, «отсутствие строевого леса», «слабые пахотные земли» и пр.), указанные комиссии принимали решение о признании их пригодными под заселение [6. Л. 1 об. – 152]. Итогом правительственной политики по заселению прилегающих к железной дороге территорий стало образование большого числа переселенческих поселков.

В 1896 г. при Министерстве внутренних дел было создано Переселенческое управление для непосредственного руководства переселением, учрежден денежный фонд. К этому времени запас пригодных для заселения земель в лесостепной полосе региона истощился, что заставило правительство поднять вопрос о возможности заселения пустопорожних лесных, так называемых урманных, пространств в Тарском, Туринском, Томском, Мариинском и Каинском округах Западной Сибири. С 1896 г. таежная часть названных округов подвергается всестороннему обследованию, результатом которого было принятое правительством решение допускать на всем пространстве тайги, за исключением заказных лесов, свободное водворение переселенцев. Для согласившихся водвориться в урманной полосе был предусмотрен ряд льгот: освобождение на десять лет от казенных сборов, земских и мирских повинностей, отсрочка исполнения воинской обязанности, выплата нуждающимся ссуд [7. С. 291–292].

Благодаря помощи со стороны губернских органов власти заселение тарских урманов проводилось достаточно быстро. Только в 1897 г. в таежную часть Тарского округа было водворено 3 223 переселенца [8. С. 87]. В интересах более успешного заселения названной местности местные власти пытались создать костяк крепких в хозяйственном отношении поселений в полосе первоначального заселения тайги. Надежда возлагалась на то, что такие поселения станут опорными пунктами для дальнейшего водворения

переселенцев в лесную глушь и образования новых поселений [9. Л. 22 об. – 25].

К 1911–1912 гг. в Тобольской губернии насчитывалось уже 667 поселков. Из них в Тарском уезде – 310, в Тюкалинском – 189, Туринском – 72. Отсутствовали переселенческие селения в Березовском, Сургутском и Ялуторовском уездах [10]. В Томской губернии число переселенческих поселков достигло 1 202. Населенные пункты названного статуса присутствовали во всех уездах губернии. Наиболее часто их можно было встретить в Томском и Каинском уездах (376 и 335 поселков соответственно) [11]. В целом к 1911–1912 гг. переселенческие поселки составляли 12,9% всей поселенческой сети Тобольской губернии и 24,2% сети поселений Томской губернии [10, 11].

Водворение переселенцев заставило правительство разработать правила о порядке образования переселенческих селений и их поземельном устройстве. Нарезая переселенческие участки, землеустроительная комиссия должна была указать предполагаемое место для образования поселка, а также число душевых долей, на которые рассчитан участок. Переселенческий поселок признавался заселенным, когда число всех «действительно водворенных в нем переселенцев» достигало общего числа душевых долей в участке. При этом крестьянский начальник составлял акт об окончательном заселении, согласно которому поселок включался в поселенные списки [12. С. 139].

Согласно циркуляру министерства финансов от 17 ноября 1906 г., адресованному Тобольской казенной палате, «с момента окончательного заселения» поселок переставал считаться переселенческим и переходил в разряд старожильческих селений [13. Л. 72]. Сроки обустройства новоселов на отведенных под заселение участках значительно варьировали. Они зависели от материального положения водворяющихся переселенцев, наличия строительного материала для обзаведения жилищем, уровня оказываемой местными властями помощи и других факторов. В таежной полосе Западной Сибири заселение переселенческих участков происходило гораздо медленнее, чем в лесостепной зоне. В зависимости от природно-климатических условий, плодородия почв, размеров правительственной помощи переселенцам требовалось от 3 до 20–25 лет для прочного обзаведения жилыми и хозяйственными постройками, пахотными, сенокосными, пастбищными угодьями, для становления и развития социальной инфраструктуры.

Помимо выделения усадебных мест административные власти отводили в образующихся переселенческих селениях земельные участки под строительство хлебозапасных магазинов, мельниц, торговых лавок. Если отводимый для заселения участок вмещал более 2 000 дес. удобной земли, в запасе оставлялось 120 дес. под строительство церкви и школы [5. С. 6].

При образовании новых населенных пунктов землеустроительные комиссии учитывали их удаленность от соседних селений, волостного центра, железной дороги, ближайшего рынка или ярмарки, врачебного пункта, школы и других объектов, обеспечивающих связь поселения с внешним миром. Подобные сведения, собранные во время подворных обследова-

ний переселенческих селений, неоднократно издавались губернскими статистическими комитетами. По материалам, касающимся быта переселенцев Тобольской губернии, удалось подсчитать, что в Ишимском округе в 1898 г. среднее расстояние между переселенческим поселком и ближайшим селением составляло 5,8 версты, расстояние до волостного центра – 17,6, до железной дороги – 38,7, до врачебного пункта – 30,6 верст. В Тюкалинском округе, чтобы добраться до ближайшего населенного пункта, жителю переселенческого поселка надо было проехать 4,7 версты, до волостного центра – 23,7, до железной дороги – 61,0, до врачебного пункта – 39,9 версты (подсчитано по: [14]).

В Тарском округе в 1893–1894 гг. каждое из 32 обследованных переселенческих селений отстояло от ближайшего населенного пункта на 6,3 версты, от волостного центра – на 33,3, от врачебного пункта – на 41,8 и от школы – на 26,3 версты (подсчитано по: [15]).

В Ялуторовском округе в 1893 г. было описано 54 переселенческих поселка. Среднее расстояние от поселка до ближайшего селения составляло 4,7 версты, до волостного центра – 20,5, до врачебного пункта – 38,2, до школы – 16,8 версты [15].

Величина переселенческих поселков в Тобольской губернии к 1912 г. в среднем насчитывала 43 двора, 278 жителей. При этом среднестатистический населенный пункт названной губернии состоял из 52 дворов, 317 жителей. Наиболее крупными были переселенческие поселки Ишимского уезда (78 дворов с 495 жителями), а самыми мелкими – поселки Тюменского уезда (11 дворов с 99 жителями) [10].

В Томской губернии средняя величина переселенческого селения к 1911 г. насчитывала 46 дворов, 293 жителя. Можно говорить о незначительном росте величины томских поселков, если принять во внимание тот факт, что в 1893 г. среднее селение переселенцев губернии состояло из 42 дворов и 246 жителей [4]. К 1911 г. крупные поселки были характерны для Змеиногорского уезда (59 дворов, 407 жителей), мелкие – для Кузнецкого (22 двора, 109 жителей). Величина населенного пункта в Томской губернии, независимо от его типической принадлежности, составляла в среднем 100 дворов, 626 жителей [11].

Таким образом, разница между показателями средней величины переселенческих поселков и населенных пунктов, имеющих другие статусы, в Тобольской губернии в целом была менее значительной, чем в Томской, где поселки переселенцев более чем в два раза уступали по своей величине типичным селениям губернии.

На переселенческие поселки распространялось действие Строительного устава, устанавливавшего общие правила планировки и застройки новых населенных пунктов. Желая образовывать переселенческие селения в плановом порядке, правительство обязало местные власти «наблюдать, чтобы селения были устраиваемы, смотря по местоположению и удобствам, в одну, две и более линий или квадратов; селения же, устраиваемые при речках, протоках и ручьях, располагать по одну или обе стороны оных с наблюдением возможной правильности». Ширина улиц определялась в 10 сажень (21,3 м) [16. С. 244–245].

Сибирский историк Г.А. Ноздрин, изучая материалы обследования быта мигрантов на казенных землях Томской губернии, выяснил, что из 84 переселенческих поселков, образованных в 1880-е гг., 66 были построены в одну улицу, 12 имели несколько улиц, в четырех жители селились беспорядочно. При этом поселками в несколько улиц обычно жили выходцы из Курской и Полтавской губерний, беспорядочно застраивались те населенные пункты, где часть населения составляли сибирские старожилы [17. С. 62].

Экономист и статистик А.А. Кауфман, обследуя в 1894 г. хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии, обратил внимание на следующий факт: выходцы из одной губернии, составлявшие в переселенческом поселке новое общество, лучше сживались между собой, чем переселенцы из разных губерний России. В качестве примера исследователь описал взаимоотношения жителей поселка Белгородского Мариинского уезда, заселившегося в 1890–1894 гг.: «Отношения внутри общества неважные: составляющие большинство малороссы недолюбливают курян-великороссов за то, что “шибко ругаются да на сходах кричат”... Напротив, великороссы жалуются на то, что малороссы не уважают трудового начала и распахивают чужие расчистки» [18. С. 294].

При заселении переселенческих участков местные власти старались водворять выходцев из одной губернии компактно, учитывая традиции их землепользования, домообзаводства, ведения быта.

Планировка и застройка переселенческих селений во многом зависели от природных условий и рельефа местности. Особенности степных поселений являлись простор в их расположении и элементы искусственной планировки: широкая улица (порядок) или несколько улиц, правильно разбитые усадьбы. Населенные пункты таежной части западносибирского региона, напротив, отличались небольшими размерами, плотной застройкой.

Контролировать правильность планировки и застройки образующихся переселенческих селений, наблюдать за соблюдением новоселами мер пожарной безопасности при возведении жилых и хозяйственных строений должны были крестьянские начальники. Им вменялось в обязанность следить за тем, чтобы такие опасные в пожарном отношении постройки, как бани, кузницы, устраивались вне усадеб, на берегах рек, озер и оврагов или при колодцах в отдаленности от усадеб [19. С. 92].

Тем не менее некоторые крестьянские начальники игнорировали предписания вышестоящих органов, редко появлялись в местах водворения переселенцев. Новоселы, предоставленные в таких случаях самим себе, вследствие неведения самовольно выбирали места усадебной оседлости, нарушая при этом правила устройства населенных пунктов. Органы местной власти строго относились к таким нарушителям, заставляя их подчиниться общим правилам и перенести уже отстроенные дворовые и хозяйственные постройки на отведенные под это места.

Чем большее экономическое значение имел поселок для близлежащей округи, тем развитее была его

социальная инфраструктура. Анализ «Списков населенных мест» за 1911–1912 гг. показал, что инфраструктура переселенческих поселков Томской губернии была более развитой, нежели соседней Томской. Из 667 тобольских переселенческих поселков элементы инфраструктуры имелись в 359 (54%) селениях. В образующихся селениях часто можно было встретить мельницы, кузницы, маслобойни, торговые лавки и др. Наиболее богатой была инфраструктура переселенческих селений Тюкалинского уезда. Из 189 поселков, расположенных на его территории, 125 (66%) имели мельницы, 120 (63%) – хлебозапасные магазины. Кузницы, торговые лавки и промышленные заведения (преимущественно маслодельни) присутствовали в каждом втором поселении (в 98 населенных пунктах). В 44 поселках имелись образовательные учреждения, в 29 – пожарные сараи, в 21 – религиозные учреждения.

На втором и третьем местах по обеспеченности инфраструктурой были Ишимский и Тарский уезды. Наиболее слабой социальной инфраструктурой отличались переселенческие поселки Тюменского уезда [10].

В Томской губернии достаточно развитой инфраструктурой переселенческих поселков характеризовались Каинский и Бийский уезды. В селениях Каинского уезда наибольшее распространение получили образовательные учреждения, хлебозапасные магазины и мельницы, Бийского – маслодельные заведения и мельницы. Наименее развитой была инфраструктура переселенческих поселков Томского и Кузнецкого уездов [11].

Характерным явлением для социальной инфраструктуры переселенческих селений Западной Сибири стало заметное преобладание образовательных учреждений над религиозными. К примеру, в Тобольской губернии образовательные учреждения имелись в 77 поселках, а религиозные – в 35. Выявленный факт можно объяснить тем, что строительство церквей было более дорогостоящим мероприятием, чем открытие образовательного учреждения, помещением для которого нередко выступал обычный крестьянский дом, арендуемый за небольшую плату крестьянским обществом у кого-то из односельчан.

В целом переселенческие поселки отставали от старожильческих селений по уровню развития инфраструктуры. В зачаточном состоянии находилась торговая сеть поселков, что вынуждало новоселов выезжать далеко за пределы своих селений для покупки предметов первой необходимости (спичек, керосина, чая и др.). Удаленность многих поселков от транспортных путей затрудняла втягивание крестьянских хозяйств в товарное производство. Отсутствие медицинских учреждений лишало возможности получения своевременной квалифицированной помощи, способствовало длительному течению эпидемических заболеваний.

В источниках конца XIX – начала XX в. имеется немало сведений о внешнем виде переселенческих селений. Авторы одних рисуют красочную картину благосостояния переселенцев, добротность и опрятность их жилищ, чистоту улиц в поселках и т.п. [20]. Другие, наоборот, описывают нищету названных селений [21]. Представляется, что внешний вид пересе-

ленческих поселков зависел в основном от продолжительности проживания переселенцев на новом месте и уровня их благосостояния.

Массовое обследование переселенческих поселков Томской губернии, проведенное в 1911–1912 гг., показало, что средняя площадь усадьбы новосела достигала здесь 75 аров, а расстояние между жилыми строениями равнялось в среднем 36,5 м. Соответствующие показатели в старожильческих селениях составляли 38 аров и 17,9 м (показатели переведены нами в метрические единицы) [22. С. 160–161]. Таким образом, поселения переселенцев в Сибири отличались более просторным, свободным расположением, чем старожильческие деревни. Вместе с тем переселенческие селения были гораздо хуже обеспечены жильем, качество жилых и хозяйственных построек в них было крайне низким, а санитарно-гигиеническое состояние не выдерживало никакой критики. Материалы массовых обследований переселенческих поселков, проведенных в 1920-е гг. в Сибири санитарными врачами и инженерами, содержат разнообразные сведения, относящиеся ко второй половине XIX – началу XX в., о санитарном состоянии жилищ переселенцев, условиях их жизни в целом [23].

П.Е. Обозненко, описывая в 1897 г. санитарное состояние 23 переселенческих селений Омского округа, образованных в 1893–1896 гг., отметил, что большая их часть расположена в местах, неудобных для жилья, ряд поселков имеет неудовлетворительную питьевую воду, часто соленую на вкус. Большинство новоселов, по свидетельству Обозненко, проживали в землянках по 8–10 человек в каждой. Воздух в них был душным, зловонным, влажным. В переселенческих поселках проживали преимущественно малороссы и немцы, причем землянки последних, по замечанию исследователя, были гораздо просторнее и чище аналогичных жилищ малороссов. Редкие деревянные избы, которыми успели обзавестись к моменту обследования некоторые новоселы, были построены из плохого маломерного леса (березы), отличались чрезвычайно маленькими размерами и в холодное время «совершенно не держали тепла» [24. С. 7–15].

В таежных районах Западной Сибири жилые постройки в переселенческих селениях хотя и строились из более подходящего для этой цели соснового леса, но также отличались своими незначительными размерами, отсутствием вентиляции, недостаточным количеством окон и, как следствие, плохим освещением.

Степные поселения новоселов состояли в основном из глинобитных и саманных изб, еще меньших по своим размерам, чем избы в таежных переселенческих поселках. Материалом для устройства жилищ переселенцев в безлесной части Тюкалинского, Ишимского, Каинского и Омского округов-уездов нередко служили земля и дерн с прибавлением небольшого количества леса (столбов, жердей, двухтрех плах на косяки и двери). Особенно остро недостаток леса ощущался в селениях Каинского округа-уезда. В них преобладали так называемые жилища-ямы, представлявшие собой вырытые в земле на 1,5–2 аршина углубления. Вся постройка такого жилища заключалась в крыше, состоящей из жердей и служа-

щей опорой хворосту, на который наваливалась земля и выкладывался дерн. Крыши таких жилищ поднимались на 1/2–1/3 пролета и одновременно служили потолком [25. С. 5–7].

Место выхода переселенцев во многом определяло внешний облик нового населенного пункта, устраиваемого на территории вселения. В источниках второй половины XIX – начала XX в. отмечается стремление прибывших для поселения в Западную Сибирь украинцев, белорусов, латышей и представителей других народов жить на новых местах по традициям своей далекой родины. В результате тип застройки отдельных селений или улиц (концов) в смешанных по национальному составу населенных пунктах имел ярко выраженные этнические особенности. К примеру, в пос. Петровском Мариинского округа Томской губернии, располагавшемся в одну улицу, в одном конце преобладали южнороссийские мазанки, построенные выходцами из Воронежской губернии, а в другом – бревенчатые избы, возведенные тамбовскими переселенцами [18. С. 227–303].

Землянки (мазанки) зимой часто промерзали, трескались, пропуская холод. Чтобы избежать теплопотери, новоселы старались как можно раньше закрыть трубу в печи, что часто приводило к отравлениям угарным газом [14. С. 27]. Чтобы минимизировать потерю тепла, переселенцы углубляли часть жилища в землю, что приводило к тому, что в весенне-осенний период, в дождливое время в землянке стояла вода, было холодно и сыро.

Основным источником водоснабжения для переселенцев, как и для старожильского населения края, была река. В случае ее отсутствия воду брали из колодцев, прудов, ручьев. Жители селения нередко сбрасывали навоз на берега рек, озер и запруд, поили скот, полоскали белье и тут же брали из этого водоема воду для питья и приготовления пищи.

В условиях одновременного проживания в переселенческой избе большого количества людей, тесноты, отсутствия вентиляции, содержания в холодное время молодняка домашних животных в жилищах нередко были спутниками жизни переселенцев были платяные блохи, клопы, тараканы. При этом большая часть переселенческих изб состояла из одной комнаты, одновременно служившей жильцам и кухней, и гостиной, и спальней. Жилище переселенца часто не имело прочного фундамента, деревянных полов, достаточного количества окон, потолка, специально устроенной системы вентиляции.

Практически полное отсутствие бань в первые два-три года с начала образования поселка негативно сказывалось на личной гигиене крестьян. Устройством специальных отхожих мест, помойных ям новоселы озадачивались лишь после обзаведения жилыми и хозяйственными постройками, на что уходило от трех до десяти лет с момента водворения на отведенном участке [12. С. 104]. В некоторых селениях переселенцы и вовсе не обзаводились отхожими местами, справляя естественную нужду на заднем дворе, где размещался домашний скот. Неудивительно, что такие антисанитарные условия порождали инфекционные, паразитарные и другие заболевания среди населения.

Сырость и грязь жилищ, сомнительное качество питьевой воды, однообразное скудное питание, низкий уровень личной гигиены – главные факторы, приводившие к распространению заболеваний в переселенческой среде. Типичными болезнями новоселов были цинга, брюшной и сыпной тиф, дифтерия, дизентерия, корь, оспа, холера и др. Они приводили к высокой смертности среди переселенцев, особенно детей. По данным В.А. Зверева, посвятившего вопросам санитарного состояния переселенческого жилища в Западной Сибири серию публикаций, в 1903–1904 гг. в переселенческих поселках Акмолинской области, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний 81% всех умерших на новом месте составляли дети в возрасте до 10 лет. В первый год по прибытии на каждые 100 умерших родились лишь 64 человека. При этом и общая, и детская смертность были выше, чем у крестьян-старожилов. По мере обустройства в Сибири, отмечает исследователь, заболеваемость и смертность среди переселенческого населения сокращались [26. С. 128].

Важно отметить, что качество жилищ переселенцев, их обустроенность зависели в первую очередь от финансовых возможностей крестьян-новоселов. Ограниченность в денежных средствах увеличивала сроки обзаведения жильем, дворовыми постройками, затягивала процесс создания прочного хозяйства. Правительственная помощь (выдача ссуд, временное освобождение от уплаты налогов, организация лесных складов, хлебозапасных магазинов и т.п.) не могла удовлетворить даже первоочередные потребности новоселов при устройстве на новом месте (постройка жилища, распашка земли и др.). Антисанитарное состояние переселенческих жилищ, неудовлетворительные бытовые условия, трудности в адаптации к суровому сибирскому климату, высокий уровень заболеваемости и смертности стали типичными чертами, характеризующими жизнь переселенца в Западной Сибири.

Таким образом, результатом правительственной политики по организации массового переселенческого движения в Сибирь стало образование и развитие здесь нового типа населенных пунктов – так называемых переселенческих поселков, образуемых в плановом порядке для водворения прибывающих из европейской части страны крестьян. За период с 1893 по 1911–1912 гг. только на территории Тобольской и Томской губерний численность селений названного типа увеличилась соответственно с 54 до 1 869 (в 34,6 раза!).

Возникшие в конце XIX – начале XX в. переселенческие селения существенно уплотнили поселенческую сеть региона, способствовали росту ее масштабов и усложнению структуры. К 1911–1912 гг. переселенческие поселки составляли почти 13% всей поселенческой сети Тобольской губернии и свыше 24% сети поселений Томской губернии. Переселенческое селение средней величины в Тобольской губернии в это время включало 43 двора, 278 жителей, в Томской – 46 дворов, 293 жителя.

Образуя переселенческие поселки, центральные и местные власти прикладывали усилия для формирования их инфраструктуры, что было особенно актуальным при заселении тарских урманов, удаленных от

относительно обжитых районов Западной Сибири на значительные расстояния. Как правило, среди элементов инфраструктуры в новом поселке присутствовали образовательное учреждение, церковь или часовня, хлебозапасный магазин, пожарный сарай. Анализ источников показал, что наиболее развитой инфраструктурой отличались поселки Томской губернии.

Водворение на новых землях зачастую растягивалось на несколько лет. Переселенец в первые годы пребывания в Сибири был вынужден ютиться во временном жилище – наслех вырытой землянке или сколоченном сарае. На прочное домообзаводство требовались годы. Это обусловило антисанитарное состояние жилищ новоселов, где нередко соседствовали люди и домашний скот, было холодно, сыро, а единственной вентиляцией были многочисленные щели, дающие сквозняки. Санитарным бедствием временных крестьянских жилищ являлись насекомые – клопы, блохи, вши, тараканы. Антисанитарные условия жизни в переселенческих поселках становились причиной распространения инфекционных заболеваний, высокой общей и особенно младенческой смертности.

Тем не менее формирование сети переселенческих поселков оказало положительное влияние на развитие населенных пунктов сибирских старожилов и коренных жителей края. Тесно соприкасаясь со старожилами и аборигенами, переселенцы устанавливали с ними соседские, производственные и культурные связи.

Образуя переселенческие поселки, государство постепенно решало проблему устройства самовольных переселенцев, боролось с царившей неразберихой в землепользовании новых населенных пунктов, проводило их плановую застройку. Несмотря на множество недостатков, сопровождавших процесс образования новых поселений (формальное отношение чиновников, несогласованность их действий, недостаток денежных средств, выделяемых на осушение болот, прокладку дорог к участкам, предназначенным к заселению и т.п.), к началу XX в. на территории Западной Сибири существовало уже около 2 тыс. населенных пунктов, имевших статус переселенческих селений. В совокупности они составляли приблизительно 18,5% всей поселенческой сети Западной Сибири [10, 11]. Многие из образующихся в плановом порядке переселенческих поселков со временем становились административными, торговыми, культурными центрами для близлежащей округи и региона в целом.

С приходом в 1917 г. к власти большевиков поселенческая сеть Западной Сибири претерпела существенные изменения. Политика большевистского правительства по укрупнению населенных пунктов привела к тому, что большинство небольших переселенческих поселков (менее 25 дворов) было ликвидировано, а более крупные селения получили статус колхозов или совхозов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чуркин М.К. Переселение крестьян чернозёмного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX в.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск : Омск. гос. пед. ун-т, 2006. 375 с.
2. Саблер С.В., Сосновский И.В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем : исторический очерк. СПб. : б.и., 1903. 472 с.
3. Подсчитано по данным: Статистика Российской империи: волости и населенные места 1893 г. СПб., 1895. Вып. 10.
4. Подсчитано по данным: Список населенных мест Томской губернии за 1893 г. Томск : Тип. Губ. правления, 1893. 381 с.
5. Сборник узаконений и распоряжений по образованию переселенческих участков. СПб., 1903.
6. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 239. Оп. 1. Д. 18.
7. Свод законов Российской империи. СПб. : Тип. 2-го отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1912. Ч. V, кн. VIII.
8. Статистический обзор Тобольской губернии за 1897 г. Тобольск : Изд. Губ. стат. ком., 1898.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1273. Оп. 1. Д. 359.
10. Подсчитано по данным: Список населенных мест Тобольской губернии. Тобольск : Изд. Тобол. губ. стат. ком., 1912. 634 с.
11. Подсчитано по данным: Список населенных мест Томской губернии на 1911 г. Томск : Изд. Том. губ. стат. ком., 1911. 576 с.
12. Вошинин В.П. Переселение и землеустройство в Азиатской России : сб. законов и распоряжений / под ред. Г.Ф. Чиркина. Петроград : Тип. Петрогр. тюрьмы, 1915. 509 с.
13. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (БУТО «ГА в г. Тобольске»). Ф. 335. Оп. 598 (1). Д. 12.
14. [Новомбергский Н.Я.] Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии : отчет о двухмесячной командировке. Тобольск : Изд. Тоб. губ. стат. ком., 1898. Вып. 1. XLVIII. 318 с.
15. Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х гг. по 1893 г.). М., 1895. Т. 1. 372 с.
16. Устав строительный // Свод законов Российской империи. СПб., 1842. Ч. 4/5. 535 с.
17. Ноздрин Г.А. Проблема освоения Сибири в материалах обследования переселенцев на казенных землях Томской губ. (1894 г.) // Источники по истории освоения Сибири в период капитализма : сб. науч. тр. / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск : Наука, 1989. С. 58–70.
18. Кауфман А.А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии. СПб. : Тип. В. Безобразова и К., 1895. Т. 1, ч. I. 348, 177 с.
19. Законы и правила Строительного устава: с приложением Устава о наказаниях и ответственности за нарушение строительных правил как в городах, так и деревнях. М. : Тип. Ф.К. Иогансона, 1888. 218 с.
20. Вошинин В.П. На сибирском просторе: картины переселения. СПб. : Типография т-ва «Наш век», 1912. 263 с.
21. Кузнецов В.К. Сибирские переселенцы // Азиатская Россия. СПб. : Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия, 1914. Т. 1. 578 с.
22. Нагнибеда В.Я. Положение переселенцев и колонизационная практика в Сибкрае // Труды Первого Сибирского краевого научно-исследовательского съезда. Новосибирск, 1928. Т. 5. С. 58–166.
23. Гречищев К.М. Материалы для характеристики санитарного состояния переселенческих поселков Сибирского края. Новосибирск : Сиб. краев. отд. здравоохранения, 1928. 32 с.
24. Обозненко П.Е. Очерки санитарного состояния селений переселенцев-новоселов Омского уезда Акмолинской обл. СПб., 1898. 28 с.
25. Жилища переселенцев безлесной части Сибири и Степного края. СПб. : Изд. Переселен. упр., 1902. 214 с.
26. Зверев В.А. Самоходы из Расей: крестьяне в эпоху массовых переселений // Родина. 2000. № 5. С. 127–129.

Статья представлена научной редакцией «История» 7 марта 2017 г.

RESETTLEMENT TOWNS IN WESTERN SIBERIA IN THE LATE IMPERIAL PERIOD: POPULATION, SOCIAL INFRASTRUCTURE, SANITARY CONDITION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 155–162.

DOI: 10.17223/15617793/417/22

Anna I. Tatarnikova, Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: tatob777@yandex.ru

Keywords: Western Siberia; resettlement villages; infrastructure; settlers; housing; sanitary condition.

In the late 19th – early 20th centuries after the lifting of the government ban on the resettlement to Siberia, people from European Russia – peasants suffering from the shortage of land – rushed to settle the vast expanses of the region. The central and local authorities carried out land management work, allocating special areas for settlers and agriculture for the needs of the settlers. Mass resettlement is accompanied by the formation of a new type of settlements on the Siberian land, the so-called resettlement settlements, which become an integral part of the rural settlement network. The aim of the article is to characterize the quantitative and qualitative results of the government's policy in the formation of a network of resettlement settlements in the territory of Western Siberia at the end of the imperial period by determining their number and social infrastructure development, and by describing their sanitary condition. As a result of the analysis of the statistical data, it is concluded that from 1893 to 1911–1912 the number of resettlement settlements increased from 54 to 1869 (34.6 times!) in two West Siberian provinces of Tobolsk and Tomsk. By 1911–1912, resettlement settlements accounted for 12.9 % of the entire settlement network of Tobolsk Province and 24.2 % of the network of settlements in Tomsk Province. The time of the settlement foundation varied from three to twenty-five years and depended on the natural and geographical conditions of the terrain, the level of material well-being of new settlers, the assistance of local authorities, transport accessibility, the degree of remoteness from other settlements and infrastructure facilities. The greater the economic importance of the village for the surrounding district, the more developed its social infrastructure was. Most often resettlement villages had mills, smithies, trading benches. In the early 20th century, with the efforts of the local administration and the inhabitants themselves schools were established, churches were built in the settlements. Unlike settlements of Siberian old residents, resettlement villages were in a poor sanitary condition. In the first years of their stay in Siberia, newcomers often lived in dugouts, tents, sheds. They needed time to build sturdy, warm houses. In the resettlement house, people often lived together with livestock. There were no beds, chairs and other furniture. Floors were mostly earthen, windows had only one frame, and ventilation came from numerous chaps. Settlers' yards had no baths, toilets for a long time after their arrival, they were not cleaned. The bad sanitary condition of houses and lack of personal hygiene provoked infectious diseases – measles, trachoma, scarlet fever, cholera and others. A high level of morbidity and mortality were typical features characterizing the life of settlers in Western Siberia. Nevertheless, resettlement villages of the late 19th – early 20th centuries greatly condensed the settlement network of the region, contributed to the growth of its scale and complication of its structure. The formation of the network of resettlement villages had a positive impact on the development of settlements of Siberian old residents and indigenous residents of the region. Closely in contact with old residents and the natives, settlers had personal, industrial and cultural relations with them.

REFERENCES

1. Churkin, M.K. (2006) *Pereselenie krest'yan chernozemnogo tsentra Evropeyskoy Rossii v Zapadnyy Sibir' vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: determiniruyushchie faktory migratsionnoy mobil'nosti i adaptatsii* [Resettlement of peasants of the chernozem center of European Russia to Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries: determining factors of migration mobility and adaptation]. Omsk: OmskState Pedagogical University.
2. Sabler, S.V. & Sosnovskiy, I.V. (1903) *Sibirskaya zheleznaya doroga v ee proshlom i nastoyashchem: istoricheskiy ocherk* [The Siberian railway in its past and present: a historical sketch]. St. Petersburg: [s.n.].
3. Central Statistics Committee. (1895) *Podschitano po dannym: Statistika Rossiyskoy imperii: volosti i naselennyye mesta 1893 g.* [Estimated from the data: Statistics of the Russian Empire: volosts and populated areas in 1893]. Vol. 10. St. Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i Komp.
4. Tomsk Statistics Committee. (1893) *Podschitano po dannym: Spisok naselennykh mest Tomskoy gubernii za 1893 g.* [Estimated from the data: List of inhabited places of Tomsk province for 1893]. Tomsk: Tip. Gub. pravleniya.
5. Anon. (1903) *Sbornik zakonov i rasporyazheniy po obrazovaniyu pereselencheskikh uchastkov* [Collection of laws and regulations on the allocation of resettlement sites]. St. Petersburg.
6. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 239. List 1. File 18. (In Russian).
7. Russian Empire. (1912) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of laws of the Russian Empire]. Part V. Book VIII. St. Petersburg: Tip. 2-go otdniya Sobstv. E.I.V. kantselyarii.
8. Tobolsk Statistics Committee. (1898) *Statisticheskiy obzor Tobol'skoy gubernii za 1897 g.* [Statistical overview of Tobolsk Province for 1897]. Tobolsk: Izd. Gub. stat. kom.
9. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1273. List 1. File 359. (In Russian).
10. Tobolsk Statistics Committee. (1912) *Podschitano po dannym: Spisok naselennykh mest Tobol'skoy gubernii* [Estimated by the data: List of inhabited places of Tobolsk Province]. Tobolsk: Izd. Tobol. gub. stat. kom.
11. Tomsk Statistics Committee. (1911) *Podschitano po dannym: Spisok naselennykh mest Tomskoy gubernii na 1911 g.* [Estimated from the data: List of inhabited places of Tomsk Province for 1911]. Tomsk: Izd. Tom. gub. stat. kom.
12. Voshchinin, V.P. (1915) *Pereselenie i zemleustroystvo v Aziatskoy Rossii: sb. zakonov i rasporyazheniy* [Resettlement and land management in Asian Russia: laws and orders]. Petrograd: Tip. Petrogr. tyur'my.
13. State Archive in Tobolsk. Fund 335. List 598 (1). File 12. (In Russian).
14. [Novombergskiy, N.Ya.]. (1898) *Materialy dlya izucheniya byta pereselentsev, vodvorennykh v Tobol'skoy gubernii: otchet o dvukhmesyachnoy komandirovke* [Materials for studying the life of immigrants settled in Tobolsk Province: a report on a two-month business trip]. Vol. 1. Tobolsk: Izd. Tob. gub. stat. kom.
15. Anon. (1895) *Materialy dlya izucheniya byta pereselentsev, vodvorennykh v Tobol'skoy gubernii za 15 let (s kontsa 70-kh gg. po 1893 g)* [Materials for studying the life of immigrants settled in Tobolsk Province for 15 years (from the late 1870s to 1893)]. Vol. 1. Moscow: tip. O-va rasprostraneniya polez. kn.
16. Russian Empire. (1842) *Ustav stroitel'nyy* [Construction Charter]. In: *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. 4/5. St. Petersburg.
17. Nozdrin, G.A. (1989) *Problema osvoeniya Sibiri v materialakh obsledovaniya pereselentsev na kazennykh zemlyakh Tomskoy gub. (1894 g.)* [The problem of the development of Siberia in the materials of the survey of immigrants on the state lands of Tomsk Province (1894)]. In:

Goryushkin, L.M. (ed.) *Istochniki po istorii osvoeniya Sibiri v period kapitalizma* [Sources on the history of the development of Siberia in the period of capitalism]. Novosibirsk: Nauka.

18. Kaufman, A.A. (1895) *Khozyaystvennoe polozhenie pereselentsev, vodvorennykh na kazennykh zemlyakh Tomskoy gubernii* [The economic situation of the settlers, settled on the state lands of Tomsk Province]. Vol. 1. Part 1. St. Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i K.
19. Anon. (1888) *Zakony i pravila Stroitel'nogo ustava: s prilozheniem Ustava o nakazaniyakh i otvetstvennosti za narushenie stroitel'nykh pravil kak v gorodakh, tak i derevnyakh* [Laws and Rules of the Construction Charter: with the application of the Charter on penalties and liability for violation of building regulations in both cities and villages]. Moscow: Tip. F.K. Ioganson.
20. Voshchinin, V.P. (1912) *Na sibirskom prostore: kartiny pereseleniya* [In the Siberian space: pictures of the migration]. St. Petersburg: Tipografiya t-va "Nash vek".
21. Kuznetsov, V.K. (1914) *Sibirskie pereselentsy* [Siberian settlers]. In: Glinka, G.V. et al. *Aziatskaya Rossiya* [Asian Russia]. Vol. 1. St. Petersburg: Pereselencheskoe upravlenie Glavnogo upravleniya zemleustroystva i zemledeliya.
22. Nagnibeda, V.Ya. (1928) *Polozhenie pereselentsev i kolonizatsionnaya praktika v Sibkrae* [Situation of settlers and colonization practice in Siberia]. *Trudy Pervogo Sibirskogo kraevogo nauchno-issledovatel'skogo s'ezda*. 5. pp. 58–166.
23. Grechishchev, K.M. (1928) *Materialy dlya kharakteristiki sanitarnogo sostoyaniya pereselencheskikh poselkov Sibirskogo kraya* [Materials for the description of the sanitary condition of the resettlement settlements of the Siberian region]. Novo-sibirsk: Sib. kraev. otd. zdravookhraneniya.
24. Oboznenko, P.E. (1898) *Ocherki sanitarnogo sostoyaniya seleniy pereselentsev-novoselov Omskogo uezda Akmolinskoy obl.* [Sketches of the sanitary condition of the settlements of new settlers of Omsk district of Akmola region]. St. Petersburg: tip. Ya. Trey.
25. Molodykh et al. (1902) *Zhilishcha pereselentsev bezlesnoy chasti Sibiri i Stepnogo kraya* [Dwellings of immigrants of the treeless part of Siberia and the Steppe region]. St. Petersburg: Izd. Pereselen. upr.
26. Zverev, V.A. (2000) *Samokhody iz Rasei: krest'yane v epokhu massovykh pereseleniy* ["Samokhody iz Rasei": Peasants in the era of mass migrations]. *Rodina*. 5. pp. 127–129.

Received: 07 March 2017